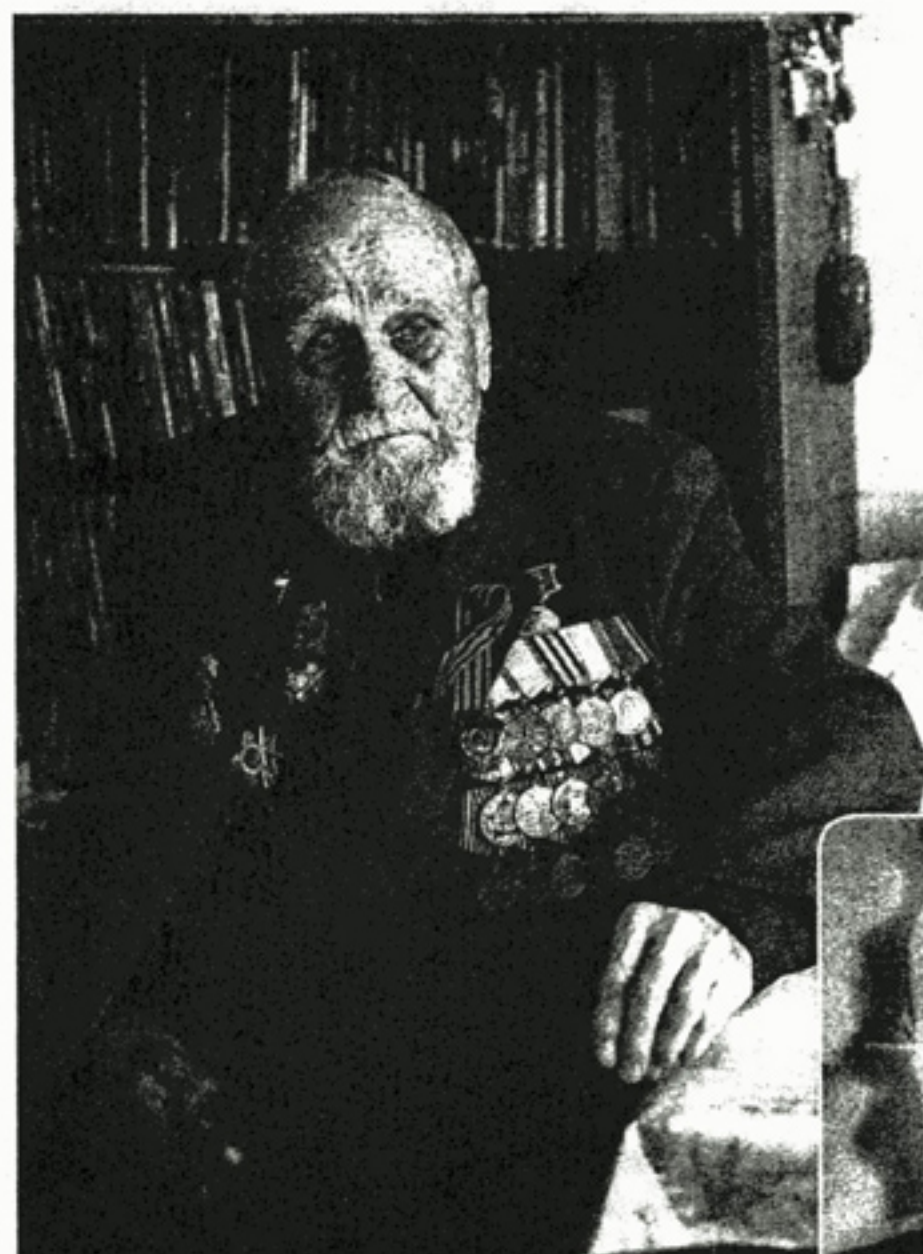

ВОСПОМИНАНИЯ

О войне не по учебникам

«Кричали: "За Родину! За Сталина!", но и Бога упоминали, — вспоминая о том, как ходил в атаку, рассказывает ветеран Великой Отечественной войны Георгий Евдокименко. — Ну, а некоторые солдаты так искусно ругались перед боем, что у пехотинцев прямо настроение поднималось. Если в царской армии на врага шли со словами "За Бога, Царя и Отечество", то у нас Отечество звучало более громко и раскатисто: "За Р-р-р-родину!" А Бога и Царя многим на фронте тогда заменил Сталин». Кандидат исторических наук 95-летний Георгий Саввич не по учебникам знает, что такое война. О своей истории освобождения Беларуси и о том, что этому предшествовало, он рассказал журналистам «ГВ».

200 ГРАММОВ

Закончив три курса института, в 1941 году Георгий попал в должности замполитрука в пехоту на Центральный фронт под Москвой. «Политруков больше всего гибли. Прямо передо мной в атаке двоих убило. А меня даже не ранило, — рассказывает ветеран. — Я шёл в бой в обычной солдатской форме, в ботинках с обмотками, а на офицерах были галифе, хромовые сапоги. В начале войны, пока все не перешли на полевую форму, любой немецкий снайпер видел, где идёт командир». На вопрос, было ли страшно, отвечает: «Очень. Выпешь свои 100 грамм — и вперёд. Нервы в кулак и всё. Люди рядом падают, а ты кричишь: "Ур-а-а-а!" Разговора даже не было, чтобы не пойти в атаку. Привыкаешь постепенно». Переводя дух, фронтовик продолжает: «Недавно был в поликлинике и как участник ВОВ решил зайти к врачу на приём без очереди. Так мне там один посетитель, здоровенный верзил, выдал: "Подумаешь, ты волевал! Зато тебе каждый день 100 грамм водки давали". Причём сказал это с каким-то сожалением, что не ему досталось такое счастье. На что я, подавив негодование, спокойно ответил: "Дорогой товарищ, нам давали не водку. Некогда было её очищать. Нам давали спирт-сырец. Ведь наливать его приходилось огромному количеству солдат. А после боя мы получали по 200, а то и 300 грамм. Почему? Старшина

принесил в ранце за плечом спирта, к примеру, на 100 человек, а нас после боя оставалась в лучшем случае половина. Вот и разливали по 200».

ШТЫКИ ПРОТИВ ТЕСАКОВ

Немцы, по словам Георгия Саввича, редко ходили в рукопашную — боялись наших штыковых атак. «Видно, с суворовского времени у русского солдата осталось это качество. А у немцев на дулах винтовок были штыки-тесаки. Так что и нам расслабляться

Преподаватель
и ветеран

не приходилось. Могли и подстрелить, и на тесак посадить. Нужно было глядеть в оба и наносить удар первым», — делится нехитрой правдой боев Георгий Евдокименко.

Но вот только судьбой было уготовано фронтовому получить серьёзное ранение не в бою. В ту ночь ему нужно было починить крышу над блиндажом. Вот Георгий и вышел ночью подсыпать сверху земли. Только взялся за сапёрную лопатку, как ему прямо в кисть угодила разрывная пуля и разворотила ладонь. «Моё счастье в том, что пулемётчик на пару секунд прекратил стрельбу, видно, оружие заело. А я несколько шагов пробежал и прыгнул в окоп. И тут же надо мной пролетела ещё одна очередь, — вспоминает ветеран. — Если бы в окоп не прыгнул, то пулемётчик меня всего бы изрешетил. Это точно». Поп-

1944 год

В декабре 1941 года в ходе контрнаступления под Москвой войска 50-й армии, в которой сражался Георгий Евдокименко, отбросили противника от Тулы, освободили Калугу и в январе 1942 года вышли к Варшавскому шоссе. В ходе многодневных боев советские войска натолкнулись здесь на глубоко эшелонированную оборону врага. Развернулись тяжёлые бои, продолжавшиеся до марта 1943 года. Участки Варшавского шоссе по несколько раз переходили из рук в руки. Около года длились кровопролитные сражения у одного из мощных узлов сопротивления гитлеровцев — Фомино-I — Фомино-II с укрепленными высотами 269,8 и «Зайцева Гора». Всё это делалось для того, чтобы оттянуть часть сил немецкой армии от Сталинграда.

«ОТПРАВЬТЕ МЕНЯ НА ФРОНТ»

После ранения Георгия комиссовали с пометкой «ограниченно годен к военной службе с возможностью работать в тыловых учреждениях в качестве педагога». На пересильном пункте Евдокименко решил обратиться к начальнику: «Чего это я буду в тылу сидеть, когда моя родная Беларусь оккупирована? Отправьте меня на фронт». В итоге Георгий попал в аэродромно-техническую роту, которая строила полевые аэродромы для пикирующих бомбардировщиков во время операции «Багратион».

«Построим взлётную полосу. Как только немцы разнюхают наше место дислокации, разбомбят, как говорится, ко

всем чертям, сворачиваемся, едем строить взлётную полосу в новом месте». Вспоминает Георгий Саввич, как в один из дней немецкая артиллерия пристрелялась к нашему аэродрому. «Летали два мессера и корректировали огонь фашистской батареи. Повезло, что большинство снарядов легло у командного пункта, а не на аэродроме, и часть из них не разорвалась, — рассказывает ветеран. — Пережил я и массированный налёт немецких бомбардировщиков. Несколько бомб упало в 150-ти метрах от сарая, где мы расположились. Были уничтожены три зенитных орудия, убиты несколько лётчиков и солдат из технической роты». После таких налётов Георгию не раз приходилось тушить пожары.

БЫЛ НЕПЛОХИМ СОЛДАТОМ

102-й батальон аэродромного обслуживания, в котором служил Георгий, постоянно шёл за 3-м Белорусским фронтом, в трёх километрах от передовой. «За 3-4 дня с помощью гусеничных тракторов мы укатывали новую взлётно-посадочную полосу около леса, чтобы было легче прятаться нашим самолётам. Работали и днём, и ночью», — подчёркивает фронтовик. Всего на счету Георгия Евдокименко несколько десятков таких аэродромов.

«Бывало, улетала эскадрилья из девяти самолётов. Хорошо, если 2-3 вернутся. Сбивали в начале освобождения Беларуси наших самолётов немало, — говорит он, а про свою роль в наступательной операции добавляет. — Героического в моих действиях ничего не было. Даже не знаю, что я такого совершил? Просто выполнял свой воинский долг до конца. И, видно, был неплохим солдатом». Это ещё раз подтверждает и его медаль «За отвагу».

После войны Георгий Евдокименко работал преподавателем пединститута имени В. П. Чкалова, а после его переименования в 1969 году продолжил вести лекции в Гомельском государственном университете имени Ф. Скорины.

Дмитрий ЧЕРНЯВСКИЙ,
«ГВ»

Фото Игоря БРЕЛЯ